

ПРЕДНАМЕРЕННОЕ УБИЙСТВО

/ДЕТЕКТИВНАЯ ПЬЕСА В ДВУХ ЧАСТЯХ/

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АРУТЮН МАМЯН – Следователь прокуратуры

АСМИК - его жена

КАРЕН ШАХУЛЯН - участковый инспектор

АРЕВИК - его жена

АНДРАНИК ЧИНАРЯН – директор комбината

АЙКАЗ АВЕТИСОВ - начальник отделения связи

ВААН АЛОЯН - эксперт

АРТУР ЦЕРУНЯН - судебный врач

БРАТЕЦ ХАЧИК - вахтер

АРАКСЯ СААКЯН - соседка

МЕЛИНЕ МАРАШЯН - соседка

ИСПИРЯН - адвокат

АКОП - сын Андраника

СУДЬЯ

СТАРИК

СВЕТА - продавщица мороженого

СЕКРЕТАРЬ СУДА

Действие происходит в наши дни в Ереване

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

/На занавесе висит полотно, на котором изображены многоэтажные городские здания. Возможно даже контуры. На авансцене слева стоит маленький летний павильон, на котором написано: “Мороженое”. Справа – условное отделение связи. Раннее утро, почти темно. Вахтер братец Хачик метет пыль с тротуара метлой/.

ХАЧИК – Что это Аршо запаздывает? Может, ребенок приболел? Или я рано вышел на работу?

/Смотрит в небо, потом на тротуар/.

Опять этот проклятый дождь моросит, все моросит, нет чтобы или прекратиться или лить как следует. Точь в точь как пенсия.

/Вдруг замечает, что из соседнего подъезда выходит человек в плаще, укывший голову капюшоном, несущий что-то подмышкой/.

ЧЕЛОВЕК - /Сам себе/ - Избавился от тебя, наконец избавился, чтоб тебя...

ХАЧИК – Что случилось, братец? Погоди, что случилось?

/Человек содрогается, бросает мимолетный взгляд, ускоряет шаги и исчезает/.

Ох! Может, побежать за ним? Нет, неудобно. Просто человек разговаривает сам с собой. Я ведь тоже сейчас сам с собой разговариваю. Но человек незнакомый. Не из нашего дома.

/Слышен звук поливальной машины/.

Ага, вот и наш Аршо. Значит, ребенок здоров.

АРШО - /Голос/ Доброе утро, братец Хачик. Как дела?

ХАЧИК – Доброе утро, Аршо джан, все в порядке.

АРШО – /Голос/ Слышал, что сказал Рейган?

ХАЧИК – Что сказал?

АРШО - /Голос/ Сказал, что он тоже хочет мира, но с оружием.

ХАЧИК – Э, разве может быть мир с оружием?

АРШО - /Голос/ Говорит, без оружия не выйдет.

ХАЧИК – Как так, он что, дурак?

АРШО – Черт его знает. Разве может быть дураком руководитель такого большого государства?

ХАЧИК – Черт его знает.

АРШО – Ну, я буду поливать.

ХАЧИК – Вон небо само потихоньку поливает.

АРШО – У неба свои планы, у нас свои, братец Хачик.

/Удаляются. Утро в разгаре. В павильоне мороженого появляется Света, вытирает тряпкой стол и стулья, напевает. С другой стороны входит участковый инспектор Карен Шахулян. Он делает какие-то пометки в блокноте, который держит в руках/.

КАРЕН – Значит, Мацак Айдинян уже вернулся из колонии! Почему же он не приходит ко мне, чтобы встать на учет? Вызвать в участок.

“Вчера в одиннадцать часов газетный киоск еще не был открыт. Почему?”

“Почему не меняют аптечную вывеску? Устарела.”

СВЕТА – Здравствуй, участковый, как дела?

КАРЕН – Здравствуй.

СВЕТА – Карен джан, можно тебя на минуту?

КАРЕН – Вынужден повторить, гражданка Зироян, что я для вас никогда не был Кареном. Я лейтенант и моя фамилия Шахулян.

СВЕТА – Ты для меня всегда был Кареном, милоч. Ты был самым красивым парнем в нашем квартале. От кого бы ни скрывала, от бога же не скрою, что всегда имела на тебя глаз, Карен джан.

КАРЕН – Я как-нибудь займусь вами, гражданка Зироян, не сомневайтесь.

СВЕТА – Скорей бы этот день наступил. Я свечку поставлю.

КАРЕН – Посмотрим. Тогда посмотрим. А до того предупреждаю. Официально. Соседи жалуются, что вы нередко собираете у себя Парней сомнительного образа жизни, пьянствуете и шумите.

СВЕТА – До одиннадцати часов, милоч. Я закон знаю. А те, которые жалуются, они завидуют, потому что они старые девы, а их двери никто не открывает и на них никто не обращает внимания.

КАРЕН – Если хотите избежать неприятностей, гражданка Зироян, вы должны отгадать их от своего порога.

СВЕТА – В тот день, когда ты ступишь на порог, милый. В тот день, когда ты переступишь порог моего дома, они выйдут. Кроме тебя мне никого не нужно.

/Карен Шахулян в отчаянье отмахивается и поворачивается. Ему навстречу мелкими шажками идет учительница Аракся Саакян/.

АРАКСЯ – Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант.

КАРЕН – Какой я вам лейтенант, учительница?

АРАКСЯ – Сынок, я хочу сказать тебе кое-что.

КАРЕН – Слушаю вас, товарищ Саакян.

АРАКСЯ – Карен джан, я предполагаю, что с моим соседом что-то произошло.

КАРЕН – Кто ваш сосед?

АРАКСЯ – Васак Серобян. Ушедший на пенсию рабочий.

КАРЕН – А что могло с ним случиться?

АРАКСЯ – Не знаю, старый, больной человек. Рядом нет никого из родных.

КАРЕН – Знаю, очень солидный старик.

АРАКСЯ – Однажды, увидев, что я иду в магазин, попросил, чтобы я купила и для него бутылку молока. Сказал, что плохо себя чувствует. А я взяла в привычку и каждое утро приносила ему бутылку молока.

КАРЕН – Дальше?

АРАКСЯ – Сегодня, как обычно, я принесла молоко, позвонила в дверь, но никто не открыл. Я подумала, кто его знает, может плохо себя чувствует и не может встать с постели, позвонила по телефону, но и на звонок никто не отозвался. Сердце мое тревожится, сынок.

КАРЕН – А возможно, чтобы он пошел в гости к кому-нибудь из родственников и там заночевал?

АРАКСЯ – Исключено. Во-первых, у него нет такой привычки. И во-вторых, ночью у него кто-то был, я слышала голоса, вы же знаете, какие у нас стены.

КАРЕН – Странно.

АРАКСЯ – Я очень беспокоюсь об одном, Карен джан, он больной человек, вдруг он упал в обморок. Может, он просто не может подойти к телефону или...

КАРЕН – Минутку. /Подходит к телефону-автомату у отделения связи, берет трубку/. Здравствуйте, товарищ Мамян, это Карен.

КАРТИНА ВТОРАЯ

/Занавес поднимается и на сцене возникает квартира Васака Серобяна. Здесь переполох. Фотораф под разными углами снимает лежащее на полу у кровати тело с вытянутой рукой, рядом с которой на полу лежит стакан.

Эксперт снимает отпечатки пальцев с дверных ручек. Появляется судебный врач, вытирая руки полотенцем, смотрит на сидящего за письменным столом следователя Арутюна Мамяна/.

МАМЯН – Ну?

ВРАЧ – Яд.

МАМЯН – Точно?

ВРАЧ – Настолько точно, насколько я – Артур Церунян и из-за этого несчастного человека лишен удовольствия посмотреть игру “Арарата”.

МАМЯН – А где флакон, где? Не с неба же яд стек в стакан? Можешь хотя бы сказать, какой яд?

ВРАЧ – Конечно, могу, но предпочитаю сказать после вскрытия.

/Санитарам/

Унесите, я кончил.

/Санитары с носилками удаляются. На месте трупа остается лишь его контур, сделанный мелом/.

МАМЯН – Артур, возможно, это самоубийство. На теле есть следы насилия?

ВРАЧ – Я не заметил. Все покажет вскрытие.

МАМЯН – А когда наступила смерть?

ВРАЧ – Около пяти-шести часов назад.

МАМЯН – Значит, в пять-шесть утра?

ВРАЧ – Вероятно. Ну, я пошел, а то ты не оставишь мне ничего писать.

МАМЯН – Артур!

ВРАЧ – /Смеясь/ Понял, утром будет у тебя на столе.

МАМЯН – Ты, ты, братец, знаешь, кто ты?

ВРАЧ – Скромный рядовой Гиппократ. Оставайтесь с миром.

/Выходит/

МАМЯН – С миром. /Карену/ Ну?

КАРЕН – Письма нет, товарищ Мамян.

МАМЯН – Верно. Самое странное то, что нет письма. Если это тот случай, который налицо с первого взгляда, где-нибудь должно быть письмо.

КАРЕН – Значит, и вы предполагаете, что это самоубийство?

МАМЯН – Я сказал: если это тот случай. Я пока ничего не предполагаю. Но знаю, что в девяноста девяти случаях из ста самоубийцы оставляют письма, где объясняют, почему они решили проститься с жизнью и кого считают виновным в их несчастье.

КАРЕН – Значит, это тот единственный случай.

МАМЯН – Не будем спешить. Не будем спешить, там будет видно. Может, письмо еще найдется.

КАРЕН – Товарищ Мамян, вы же сами говорили, что в подобных случаях самоубийца оставляет письмо на самом видном месте, в первую очередь, на обеденном столе, чтобы сразу было заметно. А я перерыл весь дом, даже книги перелистал по одной.

МАМЯН – И не обнаружил ничего достойного внимания?

КАРЕН – Удивительно, но нет.

МАМЯН – Почему удивительно?

КАРЕН – Во всех домах, где я бывал, обязательно есть папка, в которой люди хранят полученные письма. А в этом доме нет. И это очень странно, потому что, несмотря на рабочую профессию, Васак Саакян был образованным, интеллигентным человеком. Видите, какая у него библиотека? Не странно ли, что он не вел дневника, не имел тетради для заметок или даже какой-нибудь папки?

МАМЯН – Родные есть?

КАРЕН – Только сын, и тот капитан дальнего плавания. Я, конечно, отправлю телеграмму во Владивосток, попрошу держать в курсе. Его семья там.

МАМЯН – Разве не удивительно, Карен? Какой из армянина капитан? Мы же самая сухопутная нация.

КАРЕН – Гены сейчас в большом почете, товарищ Мамян. А у нас когда-то были моря. Наверно, Исаковы рождаются именно так.

МАМЯН – Наверно, наверно, дружище. Деньги или другие ценности обнаружены?

КАРЕН – Пятьсот рублей у него на сберегательной книжке и два билета трехпроцентной облигации, на каждом из которых написано по имени. Наверно, имена внуков.

МАМЯН – Ничего больше?

КАРЕН – Ничего.

МАМЯН - /Приближающемуся эксперту/ Ну, Алоян?

АЛОЯН – На стакане, кроме отпечатков пальцев хозяина дома, есть и другие отпечатки.

МАМЯН – Дальше?

АЛОЯН - /Улыбается/ Дальше - после сравнения с картотекой. Может быть, до моего прихода кто-то из сотрудников или соседей трогал стакан?

КАРЕН – Исключено.

АЛОЯН – Как вы думаете, не стоит ли тем не менее сравнить отпечатки их пальцев?

МАМЯН – Нет, не стоит.

АЛОЯН – Но кому-то должны же принадлежать эти отпечатки. Они вас не интересуют, что ли?

МАМЯН – Еще как интересуют. Но все равно, Ваан, я по этой причине не стану снимать отпечатки пальцев у невиновных людей.

АЛОЯН – Ну, смотрите. Знаете, что я всегда готов.

МАМЯН – Знаю, знаю, спасибо, дружище.

/Алоян выходит/

Карен, ты знаешь, какой анекдот рассказывают про Алояна? Говорят, что он настолько любит свое дело, что имеет полную картотеку с отпечатками пальцев всех людей, которые бывают у них дома. Якобы перед каждой пирушкой они с женой заглядывают в тетрадь с отпечатками пальцев, чтобы решить, кого пригласить в очередной раз. /Смеется/ Смешно, правда?

КАРЕН - /Рассматривая контур, сделанный мелом/ Не могу смеяться, товарищ Мамян.

МАМЯН – Э, брат, пройдет. Это наша обычная работа. Что ты можешь поделать?

КАРЕН – Боюсь, что у меня никогда не пройдет. Товарищ Мамян, хотите поговорить с моей учительницей... то есть с соседкой покойного, или сказать ей, чтобы зашла в прокуратуру?

МАМЯН – Если пожилая женщина, зачем водить ее в прокуратуру? Скажи, пусть войдет.

/Карен выходит и возвращается вместе с учительницей/.

КАРЕН – Садитесь, товарищ Саакян, с Вами хочет побеседовать следователь прокуратуры товарищ Мамян.

АРАКСЯ - /Не в состоянии оторвать взгляда от мелового контура/ Ах, боже мой, братец Васак!.. Бедняжка болел, едва двигался. Сердце, это сердце, видимо получил инфаркт, а рядом не было никого, чтобы помочь. Никого. Какой ужас. Ах, кому нужны старые, одинокие люди, боже мой!?

МАМЯН – Часто жаловался на сердце?

АРАКСЯ – Мне ничего не говорил. Но отчего нынче умирают люди? – Либо сердце, либо кровоизлияние, либо рак. Не это ли болезни века?

/Карен бесшумно выходит/

МАМЯН – Тетя Аракся, Вы хорошо знали покойного?

АРАКСЯ – Не знаю, что и сказать. Извините, но кто сейчас хорошо знает другого? Тем более живущие в современном здании. Кстати, он переехал в наш дом года три назад. Отдал свою трехкомнатную квартиру большой семье своего сослуживца, а сам переехал сюда.

МАМЯН – Где он работал?

АРАКСЯ – На комбинате металлических изделий.

МАМЯН – А когда ушел на пенсию?

АРАКСЯ – Около года назад.

МАМЯН – Ходил ли кто-нибудь к нему?

АРАКСЯ – Когда он работал, я иногда видела, что к нему приходят гости. После того, как он ушел на пенсию, я почти никого не видела. Кому нужны старые, одинокие люди?

МАМЯН – Каким он был человеком, можете охарактеризовать?

АРАКСЯ – Неужели человека не характеризует то, что он отдает свою трехкомнатную квартиру сослуживцу, а сам поселяется в этой жалкой однокомнатной квартире? Много ли Вы встречали таких людей?

МАМЯН – Простите, товарищ Саакян, конечно, Вы правы.

АРАКСЯ – Не стоит. Это Вы простите. Я совершенно потеряла себя.

МАМЯН – Тетя Аракся, способен ли был Васак Серобян совершить самоубийство?

АРАКСЯ – Вы задаете очень трудный вопрос.

МАМЯН – Я хочу сказать: может, он был слабым человеком, может, был склонен быстро поддаваться панике, часто жаловался на жизнь, на свое положение?

АРАКСЯ – Никогда. Он вообще мало говорил. Это был очень гордый и самопоглощенный человек. Трудно жить одному, очень трудно. Я это хорошо знаю. А для мужчины это, конечно, вдвойне трудно. Но он никогда не унывал. Его рубашки всегда были белоснежными, а брюки гладко отутюжены.

МАМЯН – Вы не замечали ничего странного в его поведении, быту?

АРАКСЯ – Знаете что, он почти ни с кем не общался, но странно то, что часто получал письма, причем официальные.

МАМЯН - /Словно самому себе/ А дома нет ни одного письма. А откуда Вам это известно?

АРАКСЯ – Как же? Я всегда сама по его просьбе открывала его почтовый ящик.

МАМЯН – Простите, пожалуйста, а Вы не можете припомнить, откуда были эти письма?

АРАКСЯ – Не знаю, может, почтальон знает.

МАМЯН – Да-да, конечно. И последний вопрос: Вы сказали лейтенанту Шахуляну, что ночью слышали голоса из этой комнаты. Не помните, о чем они говорили?

АРАКСЯ – Я ничего не расслышала, только обрывки голосов доходили до меня.

МАМЯН – Можете хотя бы сказать, кто был его собеседник – мужчина или женщина?

АРАКСЯ - /Думает/ Сейчас и это нелегко сказать. Знаете, есть женщины, которые столько курят... Но нет, конечно, это был голос мужчины.

МАМЯН – И Вы не расслышали ни единого слова, ни единого?

АРАКСЯ – Нет. /Заметив разочарование Мамяна/ Простите, что не смогла быть полезной Вам. Может, принести вам кофе?

МАМЯН – Спасибо, Вы сообщили очень важные сведения, тетя Аракся.

/Входит Карен/

АРАКСЯ – Эх. /Выходит/

МАМЯН - /Карену/ Ну?

КАРЕН – Вахтер видел преступника.

МАМЯН – Какого преступника?

КАРЕН – Чьи пальцы, наверно, те же, которые остались на разбитом стакане.

МАМЯН – Приведи сюда вахтера, Карен.

КАРЕН – Он за дверью, товарищ Мамян.

/Мамян восхищенно качает головой. Карен выходит и возвращается с торжественно одетым и причесанным братцем Хачиком/.

ХАЧИК – Наше Вам почтение.

МАМЯН – Здравствуйте. Садитесь и расскажите в подробностях. Но, прежде, простите, как к Вам обращаться, как Ваше имя-отчество?

ХАЧИК – Все от мала до велика называют меня братцем Хачиком.

МАМЯН – Ну, ладно, будь по-твоему. Рассказывайте, братец Хачик.

ХАЧИК – Ну, что сказать... Ночью мне не спалось. То есть, если по правде, то сперва спалось. Но ночное кино было таким интересным, что сон как рукой сняло. Если спросить меня, то это очень неправильно. Разве можно в полночь показывать такие интересные и страшные фильмы? Люди утром идут на работу качаясь. Я-то вижу. Эх, какая у них может быть работа: посидят часа два, будут рассказывать друг другу фильм и пить кофе, пока...

МАМЯН – В котором часу Вы вышли из дома?

ХАЧИК – На часы не смотрел, но еще было темно. Значит, я спустился в подвал, взял веник, вышел на улицу и стал работать. Начал работать и вижу, что рано начал.

МАМЯН – С чего вы взяли?

ХАЧИК – Аршо еще не было.

КАРЕН – Это водитель поливальной машины, товарищ Мамян.

ХАЧИК – Да. Я уже кончал свою работу, как пошел дождь. Когда он усилился, я вернулся, чтобы зайти в подъезд. И вдруг вижу, как кто-то в плаще прежде меня вышел из подъезда и потихоньку, прижимаясь к стенам, пошел. В душу мне закралось сомнение, и я пошел за ним. Было почти что темно.

КАРЕН – Братец Хачик, скажи, о чем он говорил?

МАМЯН – Кому говорил?

ХАЧИК – Говорил сам с собой. Сам с собой. Говорил: “избавился от тебя, наконец избавился, чтоб тебя”.

МАМЯН – Кто это был, что за человек?

ХАЧИК – Я его только со спины увидел. Крикнул ему вслед: “Что случилось, братец?” То ли услышал, то ли нет. Наверно, услышал. Точно услышал. Только не обернулся. Ушел себе. Да, подмышкой у него было что-то вроде папки.

МАМЯН – Какие у него были волосы или прическа, вы хотя бы это заметили?

ХАЧИК – Откуда мне было увидеть? Капюшон плаща он натянул почти на глаза. Ах, если бы я знал... Я бы побежал за ним и... ух, что бы я с ним сделал! Но откуда же мне было знать, а?

МАМЯН – В какую сторону он пошел?

ХАЧИК – В сторону памятника Вардану Мамиконяну.

МАМЯН – Если увидите снова, узнаете?

ХАЧИК – Как бы вам сказать... Если он снова вот так же в плаще выйдет из подъезда, наверно, узнаю.

МАМЯН – Ладно. Спасибо, братец Хачик. Если понадобится снова, мы вас побеспокоим.

ХАЧИК – О чем речь?

/Выходит/

МАМЯН – Трудное дело, товарищ лейтенант, в таких случаях старайся найти хотя бы двух свидетелей. Чтобы один видел подозреваемого со спины, а другой в лицо.

КАРЕН – На лестничной клетке ждет.

МАМЯН – Кто?

КАРЕН – Тот, кто видел человека в плаще в лицо.

МАМЯН – Как это ждет? Вызови сюда, странный ты человек, вызови скорее.

/Карен выходит и возвращается с женщиной/.

МЕЛИНЕ – Мелине Геворковна Марашян.

МАМЯН – Садитесь, садитесь, куда Вы спешите?

МЕЛИНЕ – Все равно Вы бы спросили, разве не так?

МАМЯН – Где Вы живете?

МЕЛИНЕ – Улица Ханджяна, дом восемь, второй подъезд, квартира двадцать два.

МАМЯН – Это на каком этаже?

МЕЛИНЕ – На шестом.

МАМЯН – Окна смотрят на улицу?

МЕЛИНЕ - /Удивленно/ Да.

МАМЯН – И что Вы увидели из окна?

МЕЛИНЕ – А кто сказал, что из окна? Товарищ участковый, разве я Вам говорила такое?

КАРЕН – Не говорила.

МАМЯН – Тогда расскажите то, что видели.

МЕЛИНЕ – Расскажу, только обещайте, что не накажете меня.

МАМЯН – За что?

МЕЛИНЕ – У нас очень странное здание. Если посчитать со стороны двора, у него шесть этажей. А если считать с улицы – то четыре.

МАМЯН – Дальше?

МЕЛИНЕ – Дальше то, что трудно по утрам с тяжелыми помойными ведрами в руках подниматься и спускаться шесть этажей. А у нас дома помой выношу я.

МАМЯН – Понятно. Вы находите более удобным спускаться всего четыре этажа и выбрасывать мусор в мусорную урну, стоящую на улице.

МЕЛИНЕ – Правильно, но Вы обещали...

МАМЯН – Это область лейтенанта Шахуляна. Дальше?

МЕЛИНЕ – Что мне делать, у меня отложение солей. Суставы сильно болят, особенно в облачные, дождливые дни. Словно иголки воткнули мне в колени.

КАРЕН – Поехали дальше, гражданка Мелине.

МЕЛИНЕ – Как это поехали? Не должна я объяснить, почему я вынужденно смотрела в окно?

МАМЯН – Значит, тем не менее, Вы видели из окна. И что же?

МЕЛИНЕ – Да, но я же не на него смотрела, товарищ следователь. Я высовывала голову и смотрела, есть люди или нет, чтобы вынести мусор. И как только пошел дождь, я обрадовалась. Сказала себе: сам черт не увидит.

МАМЯН – Было два часа ночи.

МЕЛИНЕ – Нет, что Вы, было едва одиннадцать.

МАМЯН – Но дождь пошел ночью, ближе к утру.

МЕЛИНЕ – Ночью не знаю, я спала, но вечером точно шел. Я даже белье собрала, а потом только спустилась.

КАРЕН – А этот человек?

МЕЛИНЕ – Да, когда я смотрела из окна, чтобы увидеть, тихо на улице или нет, я вдруг заметила, что по ту сторону трамвайной линии под деревом в саду стоит человек в плаще и смотрит на наш дом. А голова укрыта капюшоном того же плаща. Я подумала: пусть уйдет, тогда спущусь, кто знает, кто это. А вдруг – милиция...

МАМЯН – Понятно. Дальше?

МЕЛИНЕ – Через некоторое время я снова посмотрела, он по-прежнему был там. Стоит и смотрит на наш дом.

КАРЕН – Вы не заметили, куда именно?

МЕЛИНЕ – Нет, было темно и шел дождь.

КАРЕН – Дальше, гражданка Мелине?

МЕЛИНЕ – Так я выглядывала несколько раз, но он продолжал стоять на том же месте. Во мне заиграло любопытство, все мы люди в конце концов. Подумала, кто бы это мог быть и что ему нужно у нашего дома. Может, вор?

КАРЕН – Поэтому Вы и спустились, прихватив мусор. Дальше?

МЕЛИНЕ – Да... Нет-нет, мусор я бы все равно вынесла. Спустилась вниз, нарочно подошла именно к той мусорной урне, неподалеку от которой стоял этот подозрительный человек и посмотрела в его сторону. Я видела его только миг, в следующую секунду он спрятался за деревом. Но мне было достаточно и этой одной секунды. Я почувствовала, что человек мне знаком.

МАМЯН – Знаком? Кто он?

МЕЛИНЕ - /Испуганно/ Сперва не догадалась. Только чувствовала, что знакомый, что я то и дело встречаю его. Но где именно, не могла вспомнить.

МАМЯН - /В отчаянии/ Дальше? Вспомнили? Кто?

МЕЛИНЕ – Сперва не вспомнила. Выбросила мусор из ведра, поднялась наверх, снова выглянула из окна, и что же я увидела...

МАМЯН – Что?

МЕЛИНЕ – Вижу – нет его. Исчез. Я очень удивилась, куда это он ушел, что с ним стало, и не выдержала, снова взяла ведро и спустилась.

/Арутюн Мамян стонет, схватив голову руками/.

Только я вышла из нашего подъезда, как увидела, что человек в плаще, склонив голову, вошел в соседний подъезд. И когда я увидела его со склоненной головой, сразу же вспомнила. Потому что когда он говорит с людьми, он всегда наклоняется, вбирает голову в плечи. И мне всегда было неприятно от этого. Однажды я даже сказала об этом нашей соседке...

МАМЯН - /Поднимается с места/ Кто был этот человек?

МЕЛИНЕ - /Испуганно/ Начальник отделения связи. Начальник нашего отделения связи. Фамилию не знаю. Но всякий раз, когда в почтовое...

МАМЯН – В какой подъезд он вошел?

МЕЛИНЕ – Во второй. Когда я заходила, чтобы отправить телеграмму или...

МАМЯН – Подмышкой у него не было папки или что-нибудь в этом же роде?

МЕЛИНЕ – Когда?

МАМЯН – В этот день, когда он входил в здание. В этот день.

МЕЛИНЕ – Кажется, была. Ну, он всегда ходит с кожаной папкой подмышкой, но в этот день не очень хорошо помню... Но по-моему...

МАМЯН – Ладно, ладно, спасибо, Вы свободны. Лейтенант, возьмите объяснительную у гражданки Мелине...

КАРЕН – Уже взял, товарищ Мамян.

МЕЛИНЕ – Значит, я могу идти? Потому что, когда братец Хачик рассказывал, как он в день смерти несчастного старика видел выходящего из подъезда подозрительного человека, я тоже сразу же вспомнила, что видела его, когда он входил. И братец Хачик сказал, чтобы я нашла участкового инспектора и...

МАМЯН – Вы свободны, гражданка.

/Мелине выходит/

Карен, клянусь тебе, что если в течение одного дня мне попадется двое таких свидетелей, я, наверно, тоже выпью яду...

КАРЕН – Пока я взял у нее объяснительную, она мне всю душу вымотала.

МАМЯН – Значит, начальник отделения связи. Ты знаком с ним, что за человек?

КАРЕН – /Читает в блокноте/ “Айказ Варосович Аветисов. Родился в 1930 году в Баку. Окончил местный техникум связи, а затем заочно – Ростовский институт инженеров связи. Член партии с 1951 года. Женат, имеет одного сына, который живет вместе со своей семьей отдельно от родителей. Жена – Роза Аветисова в этом году ушла на пенсию из райкома партии, где долгие годы была начальником учетного сектора”.

МАМЯН – Ах, наша Роза Аветисова. Карен, если ты добавишь ко всему этому, что начальник отделения связи сейчас ждет на лестничной площадке...

КАРЕН – Нет-нет, товарищ Мамян. Я подумал, что может быть, вы сами хотите навестить его.

МАМЯН – Молодчина, дружище, молодчина. И за это ты сам поговоришь с ним. Пойди и как следует все разузнай.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

/Занавес опускается. Освещена только правая сторона, где сидит начальник отделения связи за письменным столом. Входят какие-то люди, выходят. Появляется Карен в гражданском. Подходит к телефону-автомату, набирает номер и ждет когда начальник останется один. Испуганно оглядывается на павильон Светы, но там никого нет. Только братец Хачик поливает виноград. Карен подходит к начальнику отделения связи/.

КАРЕН – Здравствуйте, товарищ Аветисов.

АЙКАЗ – Здравствуйте. Мне кажется, что я не знаю Вас.

КАРЕН – А я Вас знаю. Я ваш участковый инспектор. Карен Шахулян.

АЙКАЗ – Инспектор? Чем могу служить?

КАРЕН – Чистосердечным признанием.

/Аветисов неожиданно поднимается с места и направляется к двери. Карен хватает его за руку/.

Спокойно, спокойно, куда это Вы? Только без ребячества.

АЙКАЗ – Я хотел закрыть дверь, чтобы мои сотрудники не слышали нас.

КАРЕН – Садитесь. Поговорим здесь или предпочитаете кабинет следователя прокуратуры?

АЙКАЗ – Здесь, здесь. Только тише, прошу Вас.

КАРЕН – Айказ Аветисов, какие у Вас были отношения с Васакком Серобяном?

АЙКАЗ – С кем? Я не знаю такого человека.

КАРЕН – Я помогу вам. Ему шестьдесят один год, пенсионер. Был рабочим комбината металлических изделий. Был прописан в доме восемь по улице Ханджяна.

АЙКАЗ – В восьмом?

КАРЕН – В восьмом.

АЙКАЗ – Я не знаю никого по имени Васак Серобян, молодой человек.

КАРЕН – Ладно, начнем с другого конца. Где Вы были вчера, двадцатого апреля, между десятью вечера и четырьмя часами утра?

АЙКАЗ – В своем доме, где же еще?

КАРЕН – Подумайте хорошо.

АЙКАЗ – Мне не о чем думать, Вы спрашиваете, я отвечаю.

КАРЕН – Кто может доказать, что в этот час Вы были дома?

АЙКАЗ – Никто.

КАРЕН – Почему? Неужели Розы не было дома?

АЙКАЗ – Откуда Вы знаете мою жену?

КАРЕН – Вопросы задаю я.

АЙКАЗ – Правильно. Роза осталась в доме моего сына. Внук заболел.

КАРЕН – Рубен?

АЙКАЗ – Сатик.

КАРЕН – А Вы, значит, были дома?

/Аветисов кивает головой/

А если я, к примеру, приведу двух свидетелей, которые, глядя Вам в глаза, докажут, что вчера, то есть двадцатого апреля сего года видели Вас в доме номер восемь на улице Ханджяна, что Вы скажете?

АЙКАЗ – Скажу, что они клеветают.

КАРЕН – Чего ради?

АЙКАЗ – Откуда я знаю, чего ради люди клеветают друг на друга, чего ради люди преследуют и травят друг друга? Чего ради я отвечаю на Ваши вопросы? Чего ради Вы не верите мне?

КАРЕН – Вот оно что. А мне казалось, что Вы уже готовы признаться во всем и тем самым облегчить свой грех.

АЙКАЗ – За мной нет никаких грехов. Поищите себе другое дело.

КАРЕН – Ладно. Либо Вы с помощью достоверных свидетелей доказываете, что в ночь с двадцатого на двадцать первое апреля были дома или где-нибудь в другом месте, либо я сейчас же препровожу Вас в прокуратуру к следователю Мамяну и предъявлю обвинение в убийстве.

АЙКАЗ – В убийстве? Вы что, с ума сошли? /Вскакивает с места/.

КАРЕН - /Усаживает его на место, сдавив плечо/ Постарайтесь выслушать меня спокойно и все понять. Значит так: в ночь с двадцатого на двадцать первое апреля в тринадцатой квартире дома номер восемь по улице Ханджяна произошло убийство. Незвестный убийца отравил пожилого пенсионера Васака Серобяна.

АЙКАЗ – Но я...

КАРЕН – Слушайте дальше. Естественно, ведется расследование. Разыскиваются очевидцы. И вот один из жителей сообщает нам, что вечером между десятью и одиннадцатью видел Вас вот в этом черном плаще у того же здания, стоящим под деревом. Потом он же видел, как Вы быстрым шагом вошли именно в тот подъезд, где жил покойный Васак Серобян.

АЙКАЗ – Постойте, но я...

КАРЕН – Нет, это Вы постойте. Постойте, выслушайте и – повторяю снова – постарайтесь понять. Затем Вас видел вахтер здания, когда в этом же черном плаще Вы рано утром вышли из того же подъезда и исчезли. И вот именно в эти часы в той же тринадцатой квартире дома номер восемь было совершено убийство. В те же часы. Теперь Вы видите, что доказательства у нас довольно весомые. После всего этого Вы можете утверждать, что в указанные часы не были в доме номер восемь по улице Ханджяна?

АЙКАЗ – Не могу.

КАРЕН – Значит, принимаете?

АЙКАЗ – Принимаю.

КАРЕН – И правильно делаете. А теперь возьмите бумагу и авторучку и напишите в подробностях, что произошло между Вами и Васакком Серобяном и почему вы решили отравить этого человека?

АЙКАЗ – Я не отравлял этого человека. Я никого не отравлял.

КАРЕН – Тогда что Вы делали в его доме?

АЙКАЗ – Я не был в его доме.

КАРЕН – Тогда скажите, где Вы были.

АЙКАЗ – Не могу сказать.

/В правом углу гаснет свет, зажигается в левом углу. В левом углу, что-то мурлыча себе под нос, братец Хачик продолжает расчищать горшок, в котором растет виноградная лоза и вдруг достает из горшка какой-то флакон/.

ХАЧИК – Ой! А это не та самая бутылочка, о которой говорил следователь? Он же говорил: найдите бутылку, найдите бутылку, яд не мог попасть в квартиру с неба. Значит, здесь был яд?

/Со страхом отнимает руку, роняя флакон, снова поднимает его/

Уф, хорошо, что не разбился. Значит, от этих двух капель умирает человек. Ох, человек, человек... Двумя каплями спасаешься, от двух капель умираешь... А, будь, что будет, отнесу участковому.

/В левом углу гаснет свет, освещается правый угол/.

АЙКАЗ – Не могу сказать. Скорее приму, что это я отравил этого человека, но не могу... Это к Вам не относится. Каждый человек имеет право на личную жизнь и вовсе не обязан отдавать эту жизнь под контроль.

КАРЕН – Вы были у женщины?

/Молчание/

Слушайте, Айказ Аветисов, уважаемый супруг, любимый отец и дед, слушайте, член партии с 1951 года, меня не интересуют не подходящие Вашему возрасту дешевые любовные шашни. Мы расследуем дело об убийстве, понимаете или нет? Убили человека. И мы во что бы то ни стало должны найти убийцу. И должны допросить всех тех, которые подозреваются хоть в малейшей степени. Думаете, что отделаетесь общим заявлением? Мы будем вынуждены узнать, какие женщины живут в этом подъезде и поговорить с каждой из них по отдельности. Как бы нам ни было неприятно допросить Вашу жену...

АЙКАЗ – А ее за что? Ведь я же признался. Почему вы хотите разорить мой очаг?

КАРЕН – Вы пожилой человек. Простите, но Вы сами ставите себя в неловкое положение. Пока вы не укажете на ту квартиру, где были, кто Вам поверит, что не Вы убийца?

АЙКАЗ – Я хочу курить.

КАРЕН – Сколько влезет.

/Аветисов прикуривает сигарету и кладет зажигалку на стол/

АЙКАЗ – Позвольте подумать день.

КАРЕН – Только в изоляторе отделения милиции.

АЙКАЗ – Что Вы говорите? Если я не буду ночевать дома, что я отвечу жене?

КАРЕН – Судя по Вашему заявлению у вас есть такой опыт.

АЙКАЗ – Не говорите, не говорите, я просто несчастный человек. Несчастный. Думаете мало на свете мужчин, изменяющих своим женам? И что же? Ничего. С ними никогда не случается ничего особенного. Никто из соседей их любовниц еще не отравился, не повесился, не выбросился с балкона. А если даже и произошло такое, в этот день они, подобно мне, не появлялись в черном плаще, как Вы сказали, на месте происшествия.

/Карен смеется/

Да, да, это от моей несчастья. Всю жизнь я был морально устойчивым человеком вынужденно, чтобы не бросать тень на жену, занимающую ответственный пост, и не портить ее карьеру. Только по этой причине. И знаете, чего только я не перенес. Вы и представить себе не можете, потому что не имеете представления, что значит иметь жену-начальника учетного сектора райкома партии. А это те женщины, которые знают наизусть, что происходит во всех организациях района, но не имеют ни малейшего представления о том, что происходит в их доме. Они не готовят обедов, не гладят одежду, не ходят в гости и не принимают гостей, не знают, где находится рынок и где платят за электричество. Все это я делал, я. Я вырастил нашего ребенка, а она ходила на пленумы, съезды и торжественные заседания.

И вот, впервые за всю свою жизнь я вдруг случайно встретил одну женщину...

КАРЕН – В доме номер восемь по улице Ханджяна.

АЙКАЗ – Да. И только тогда я понял, что такое женщина. Представляете, я еще в постели, а она приносит мне кофе.

КАРЕН – Репатриантка?

АЙКАЗ – Родители из Бейрута. Встаю и что вижу? - На спинке стула бережно висит моя свежесглаженная рубашка, а на стуле лежит мой постиранный и поглаженный платок. Нет, вы понимаете, что это такое? Ведь я же всю свою жизнь... Она готовит мне самые любимые блюда, садится напротив меня счастливая, смотрит на меня преданным взглядом и говорит: "Ешь, Айказ джан, ведь ты

очень устает. У тебя ответственная, интеллектуальная работа, Айказ джан, - говорит, - тебе нужно усиленное питание”. Я ведь тоже человек, могу растрогаться. Я ей говорю: у тебя тоже трудная работа, разве легко иметь дело с людьми, продавать цветы, иногда цветы не всегда быва...

КАРЕН - /Поднимается с места, улыбаясь/ Кажется, мне все ясно. До свидания. Я уйду. Вы не возрадите, если я возьму с собой вашу зажигалку? На пару дней...

АЙКАЗ – Пожалуйста, пожалуйста, только газ кончился.

КАРЕН – Я заправлю.

/Осторожно кладет в платок зажигалку и выходит. Проходит по авансцене, вздрагивает, увидев павильон Светы, останавливается. К нему подходит братец Хачик/.

ХАЧИК – Здравствуй, сынок. Я тут нашел кое-что. Подумал, может, это та самая бутылочка...

КАРЕН – Где, какая бутылка, братец Хачик?

ХАЧИК – В горшке виноградной лозы. Ведь в тот день следователь говорил: “где бутылка, найдите бутылку”. Я как нашел эту бутылку, подумал...

/Занавес поднимается/

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

/Кабинет следователя Мамяна. Два письменных стола. За одним из них сидит Арутюн Мамян. Входит Карен. Достает из кармана платок, из него – флакон и кладет на стол перед Мамяном/.

МАМЯН – Ну?

КАРЕН – Мне кажется, это именно то, что вы искали, товарищ Мамян.

МАМЯН – Откуда?

КАРЕН – Из горшка, в котором растет виноград, на улице. На пути, которой прошел преступник.

МАМЯН – Отпечатки есть?

КАРЕН – Явно будут отпечатки одного.

МАМЯН – Чьи?

КАРЕН – Братца Хачика.

МАМЯН – Что ты говоришь, Карен? Братца Хачика?

КАРЕН – Это он нашел флакон.

МАМЯН - /Глубоко вздохнув/ Ах, Карен, Карен. /Набирает номер телефона/ Ваан? Мне прийти к тебе или ты придешь ко мне? Как это “что мне за это будет”? А что тебе может быть? Ну, дам пачку “Мальборо”. Еще чего – блок. Опять вспомнил, что у тебя отец торговец? Ладно.

/Карену/ Ну?

КАРЕН – История с женщиной, товарищ Мамян.

МАМЯН – Надо проверить детально.

КАРЕН – Не стоит. Я говорил с этой женщиной. Работает в цветочном магазине. Зовут Парзик. Приняла все.

МАМЯН – Ну, а какая она женщина? Впрочем, какая бы ни была, по сравнению со стриженной шеей Розы Аветисовой...

КАРЕН – Правильнее всех охарактеризовал братец Хачик, сказал, как только войдете в цветочный магазин, сразу узнаете. Точно свежеиспеченная булка.

МАМЯН - /Смеясь/ И что, сошлось?

КАРЕН – Сошлось.

/Входит Артур/

МАМЯН – Ну?

АРТУР – Яд, конечно. Вот заключение. Смерть наступила вследствие сильного отравления ядом.

МАМЯН – А что, есть еще что-то?

АРТУР – Рак.

МАМЯН – Что?

АРТУР – Если бы яд не прервал жизнь Васака Серобяна, ему все равно оставалось прожить максимум две-три недели.

МАМЯН – Точно?

АРТУР – Дружище, вы начинаете оскорблять мою личность. Я больше не намерен выслушивать вас. Предпочитаю высказываться письменно.

/Выходит/

КАРЕН – Я полностью запутался, товарищ Мамян, вам хотя бы что-нибудь ясно?

МАМЯН – Нет, дружище, нет. Моей единственной надеждой были отпечатки пальцев, но Алоян сказал, что их в картотеке не имеется.

КАРЕН – Да, товарищ Мамян, я тем не менее взял с собой зажигалку Айказа Аветисова /достаёт и кладёт на стол/, но имеет ли смысл проверять снова отпечатки пальцев после всего проделанного?

/Стук в дверь/

МАМЯН – Наш эксперт в последнее время стал очень предупредительным /открывает дверь/.
Пожалуйста.

АЙКАЗ – Извините, мне сказали, что инспектор Шагулян у вас.

МАМЯН – Да.

КАРЕН – Айказ Аветисов, товарищ Мамян.

АЙКАЗ – Моя зажигалка.

КАРЕН - /Смеется/ Я еще не заправил. Вы пришли за ней?

АЙКАЗ – Нет, что вы говорите. Нет-нет, просто есть один вопрос. Просто я подумал, что он может заинтересовать вас. После вашего ухода я услышал, как один из наших почтальонов жаловался начальнику рассылочного отдела, говоря, что относит заказные письма в тринадцатую квартиру в доме номер восемь, а дома никого не бывает. Может быть, я бы и не обратил внимания, товарищ Шагулян, если бы почтальон не назвал фамилии жителя. Ту фамилию, которую вы неоднократно называли и убеждали принять, что я знаком с ним, с этим Васакком Серобяном. Если бы он не был мертв, я бы высказался по его адресу . Простите.

КАРЕН – Васак Серобян? Когда это я убеждал, я просто спрашивал вас.

АЙКАЗ – Знаю, знаю, вы, видимо, тот же вопрос просто так задавали и в цветочном магазине.

МАМЯН – Вы говорили о письмах.

АЙКАЗ – Вот они. Подпишитесь, что получили.

МАМЯН - /Расписывается в журнале/ Если будут еще письма, присылайте, пожалуйста.

/Провожает Аветисова до двери/

Постарайтесь понять и простить нас, товарищ Аветисов. Может, это было к лучшему. Кто знает, что бы произошло, если бы ваша супруга узнала обо всем этом.

/Аветисов, махнув рукой, удаляется/

МАМЯН – Ну?

КАРЕН - /Читает/ Уважаемый товарищ Серобян, Ваше письмо, отправленное на имя председателя президиума Верховного Совета СССР, о незаконных действиях директора комбината металлических изделий Андраника Чинаряна, мы направляем в Министерство внутренних дел Арм. ССР, чтобы ему дали ход. Оттуда вы и получите ответ. Заведующая отделом писем Вермишева.

МАМЯН – А?

КАРЕН – Звоню, товарищ Мамян.

МАМЯН – Кому?

КАРЕН – Директору комбината металлических изделий.

/Набирает номер/

Я прошу товарища Чинаряна. Одну минуту.

МАМЯН – Здравствуйте, товарищ Чинарян. С вами говорит Мамян из районной прокуратуры. У меня к вам небольшой вопрос. Приедете? Большое спасибо /Вешает трубку/. Удивительно скромный человек. Мне казалось, что...

КАРЕН – А мне кажется, товарищ Мамян, что туман рассеивается, как любят писать авторы детективов.

/Входит Ваан Алоян/

ВААН – Моя пачка “Мальборо”!

МАМЯН - /Смеется/ Нет, ты действительно пошел в отца, Ваан. Какой торговец пропадает.

ВААН – Моя пачка “Мальборо”!

МАМЯН – Бери, бери, а вместе с нею – вот этот флакон. Ваан джан...

ВААН – Чем раньше, тем лучше.

МАМЯН – Люблю понятливых людей.

ВААН – Значит, по-твоему...

МАМЯН – Это должно быть...

/Ваан берет флакон, держит его против света, достает из кармана увеличительное стекло

ВААН – Много трогали. Но есть, есть. И, кажется, знакомые отпечатки.

МАМЯН – Дружище!..

ВААН – Я понял.

КАРЕН – Товарищ Алоян, возьмите и эту зажигалку тоже, прошу вас очень.

ВААН – А это зачем?

МАМЯН – Для успокоения души.

ВААН – Одной пачкой “Мальборо”... Для успокоения души пейте валокордин.

/Уходит/

МАМЯН - /Смеется/ Блестящий специалист.

/Входит Андраник Чинарян/

АНДРАНИК – Здравствуйте.

КАРЕН – Садитесь, товарищ Чинарян.

АНДРАНИК – Нет-нет, это неприятный стул, я сяду здесь.

/Садится за другой письменный стол/

МАМЯН – Где вам будет приятнее.

АНДРАНИК – Кстати, я в пять часов вызвал людей на заседание. А до этого я в вашем распоряжении.

МАМЯН – Мы постараемся не задерживать вас. Товарищ Чинарян, у вас есть личные враги?

АНДРАНИК – А какой же я руководитель, если не имею личных врагов? Я имею дело с людьми, одному нравится мой стиль работы, и поэтому он не нравится другому.

КАРЕН – Вам знаком некто по имени Васак Серобян?

АНДРАНИК - /Пальцы нервно прижимает к стеклу на письменном столе/ Он работал на нашем заводе. Когда-то мы даже были друзьями. Теперь он на пенсии.

МАМЯН – Можете ли вы сказать, что означает это письмо /многозначительно смотрит на Карена/?

АНДРАНИК – Дайте посмотреть.

МАМЯН – Давайте прочитаем вместе.

/Пока Чинарян читает письмо, Карен по велению взгляда Мамяна берет с письменного стола стекло и выходит с ним/.

АНДРАНИК – Ничего не понимаю. А откуда у вас это письмо, он сам дал?

МАМЯН – Товарищ Чинарян, что хотел от вас Васак Серобян? Почему он вечно писал на вас жалобы?

АНДРАНИК – Завидовал. С самого начала завидовал, мы вместе пришли на комбинат, поступили на работу в качестве рабочих. Его взяли в армию, меня не взяли. Я пошел вперед, от простого рабочего продвинулся вперед, стал директором комбината, а он остался прежним рабочим. У меня трое сыновей, у него – один. Мало ли поводов для зависти, если человек завистлив от природы?

МАМЯН – Но вы же были друзьями.

АНДРАНИК – Один из греческих философов сказал: кто мои враги, если не мои бывшие друзья?

МАМЯН – И много у вас было ревизий на почве его жалоб?

АНДРАНИК – В последние годы я больше принимал ревизионные бригады, чем давал продукцию. Приходят, убеждаются, что все это клевета, уходят, а вслед за ними приходят новые. Знаете, как я оторвался от работы. Вот и вы теперь вызвали, задаете вопросы, которые мне задавалось уже тысячи раз. Когда этими вопросами занимался даже ваш отдел внутренних дел, а спрашивавший сидит на своем прежнем месте.

МАМЯН – Где?

АНДРАНИК – Я вообще говорю.

МАМЯН – Да-да, припоминаю, какая-то история с золотом, а начальником ОБХСС тогда был Петикян.

АНДРАНИК – Ну, я пошел. Едва успею. Если понадобится в следующий раз...

МАМЯН - /Смотрит в сторону двери, но она не открывается/. Ну что ж, спасибо. что зашли, товарищ Чинарян.

АНДРАНИК – Всего доброго.

/Пожимают друг другу руки. Открывается дверь, появляется Алоян/.

ВААН – Извините, товарищ Мамян, но нужно немедленно подписать эту бумагу.

МАМЯН - /Андранику/ Одну минуту.

/Читает заключение и откладывает в сторону/.

С меня еще одна пачка , товарищ Алоян, удачи.

/Алоян выходит. Андраник также хочет выйти/.

Одну минуту. Товарищ Чинарян, вы когда-либо бывали в доме Васака Серобяна?

АНДРАНИК – Много раз. Я же сказал, что мы когда-то были друзьями.

МАМЯН – А в последний раз?

АНДРАНИК – Не припомню. Наверно, года два назад. Я могу идти?

МАМЯН – Нет.

АНДРАНИК – Почему?

МАМЯН – Я должен допросить вас.

АНДРАНИК – Но за что? По какому обвинению? Что это за своеволие? Вы не имеете права арестовывать меня. Я депутат райсовета. Я лицо неприкосновенное.

МАМЯН – Мы не арестовываем вас. Мы задерживаем вас здесь, чтобы вы не мешали следствию, гражданин Чинарян.

АНДРАНИК – Это вам дорого обойдется. Если прокурор узнает...

МАМЯН – Я сейчас иду именно к нему.

КАРТИНА ПЯТАЯ

/Гостиная квартиры Мамяна. Асмик и Аревик накрывают на стол, то и дело скрываясь в кухне. Мамян и Карен беседуют, сидя в креслах/.

КАРЕН – Я впервые в жизни увидел такой дом. Вначале мне показалось, что я попал в музей. Какие полотна висели на стенах, какие люстры на потолках! /Аревик слушает, проходя мимо/.

АРЕВИК – Не мешало бы, чтобы и у нас была хотя бы одна такая. Стыдно становится.

КАРЕН - /Усмехается/ Девочка, для этого нужно проработать как минимум сорок лет, не есть, не одеваться, не пить и не платить подоходные налоги.

АРЕВИК – А-а...

КАРЕН – Представляешь, дома у них только наличными было двадцать шесть тысяч рублей, не считая того, что лежит на сберкнижках и трехпроцентных лотерейных билетов.

АРЕВИК – Кстати, о деньгах: вспомнила, что звонили с телефонной станции, предупредили, что если завтра не заплатишь за междугородние переговоры, они отключат нам телефон. /Уходит/

КАРЕН – /Вздыхает/ Но самое удивительное, конечно, то, что в доме Чинаряна мы нашли то, что искали в доме Васака Серобяна.

МАМЯН – Что в том удивительного, разве мы не искали этих писем в доме Чинаряна?

КАРЕН – Но ведь искать-то и не стоило, товарищ Мамян, они лежали прямо на письменном столе. Почему он не сжег или не скрыл уличающие его улики? Хоть убейте, в голову не лезет.

МАМЯН – Может, не успел, кто знает.

АСМИК - /Укладывая что-то/ Арутюн, а это правда, что в доме этого директора обнаружили двадцать килограмм золота?

МАМЯН – Двадцать килограмм... Асмик джан, ты вообще имеешь представление о том, сколько стоит золото?.. Двадцать килограмм...

АСМИК – Какое представление о золоте может иметь женщина, имеющая такого мужа, как ты?

МАМЯН – /Смеется беззлобно/ Что правда, то правда.

КАРЕН – И как люди могли спокойно спать в доме, где накоплено такое богатство? Как они не боялись? Аревик, помнишь, как ты играла в лотерею, чтобы летом мы уехали на побережье?

АРЕВИК – Как не помню? Товарищ Мамян, принесла я домой пятьсот рублей, - прямо беда какая-то с ними: не знала, что с ними делать, куда спрятать, чтобы не потерять или чтобы кто-нибудь не украл. Каждый день меняла место, едва входила домой, бросалась к тайнику, проверяла – на месте ли еще проклятые деньги. А однажды, помнишь, Карен, однажды я выдвинула ящик и... чуть было сердце не остановилось... пакета не было... Я в ужасе вскрикнула... И только потом вспомнила, что поменяла место и забыла об этом. Всю ночь так и не смогла сомкнуть глаз ни на минуту.

КАРЕН – Поэтому я и удивляюсь, как они по ночам спали спокойно, как они вообще спокойно спят, эти Андраники Чинаряны и им подобные?

АСМИК - /Появляется/ А разве не удивительно то, как спят нам подобные? Разве это не интереснее?

МАМЯН – Неси курицу, Асмик джан, неси курицу.

КАРЕН – Значит, завтра будете допрашивать?

АРЕВИК – Представляю, сколько у них хрустала.

КАРЕН – Представь, что никакого хрустала у них не было выставлено.

АСМИК – Seriously?

КАРЕН – Сотни хрустальных чаш, ваз, пепельниц, блюд, огромных толстопузых фруктовых ваз вместе с фужерами и бокалами не было выставлено.

АСМИК – Почему?

КАРЕН – На этот наш вопрос невестка скромно ответила, что хрусталь сейчас не в моде, поэтому его и спрятали в чуланах.

АСМИК – Действительно не в моде?

МАМЯН – Если бы был в моде, я бы тоже приобрел несколько штук, женушка.

АСМИК – Ты? /Безнадежно машет рукой, смеется/

КАРЕН – Как вы думаете, товарищ Мамян, он раскроется?

МАМЯН – Мне кажется, другого выхода у него нет. Обличающих фактов много и они основательны, Карен.

КАРЕН – Вот это мне и не нравится.

МАМЯН – Что тебя беспокоит?

КАРЕН – Товарищ Мамян, не обижайтесь, прошу вас, но это дело очень странное в своем роде. Словно все заранее сглажено, запрограммировано. У меня есть окончательное мнение о вашем таланте и опыте...

МАМЯН – Карен, без подхалимства.

КАРЕН – Я не подхалимничаю. Это действительно так. Но в этом деле у меня есть кое-какие сомнения. Что, в конце концов, мы сделали для выявления этого убийства? Почти что ничего. Нам все преподнесли. Хотите, пойдем по цепочке по порядку?

МАМЯН – Давай.

КАРЕН – Труп обнаружили не мы. Сомнение высказала соседка. Затем: при предварительном осмотре рядом с рукой покойника лежал стакан, который словно кричал, чтобы его проверяли, что здесь какая-то темная история. Так или не так? Чего не хватало, чтобы версия об отравлении стала целостной? Флакон с ядом. Кто его нашел, мы? Нет, он был обнаружен, причем на улице, чтобы мы убедились в том, что это не самоубийство, а убийство. Я отпускаю свидетелей, потому что они нам не дали почти ничего и даже сбили с курса. Значит, убийство налицо, отпечатки пальцев налицо, но нет ни убийцы, ни его отпечатков. И вдруг одно за другим мы получаем письма, которые подобно руке, показывающей на перекрестке адрес зубного техника, указывают нам на Андраника Чинаряна. Все ясно? Нет, кое-чего не хватает. С самого начала кажется странным, что в доме покойного нет ни одного письма, особенно когда выясняется, что он часто получал официальные письма. Где они? И вот эти письма мы находим в доме убийцы, как мешочки с новогодними подарками. Не много ли фактов преподнесения, товарищ Мамян?

АСМИК – Мальчики, немедленно мыться. Все принесено, все вместе садимся за стол. Быстрей.

МАМЯН – Я столько лет работаю, Карен, но не припомню ни одного случая, который был бы похож на другой. И знаешь почему? Потому что каждый раз преступниками оказываются разные люди и разные бывают их методы, их мышление, повадки, характер. Неужели существует специальное пособие, какая-то программа, которой должны руководствоваться преступники в случае того или иного преступления?

АСМИК – Мальчики!?

КАРЕН – Значит, по-вашему, он безусловно должен сдаться?

АСМИК – Арутюн!?

МАМЯН – Точно так же, как сдаюсь я. Идем, Асмик джан, идем.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

/Кабинет Арутюна Мамяна/

КАРЕН – /Входит/ Поздравляю, товарищ следователь по особо важным делам. Как говорится, с богом.

МАМЯН – Благодарю вас, товарищ заместитель начальника отдела уголовного розыска. Бери бумагу, ручку и садись. Первое: извлечь из архивов и всесторонне изучить заявления и жалобы покойного рабочего Васака Серобяна о незаконных действиях и хищениях на комбинате. С помощью этих уклончивых ответов трудно найти основания /протягивает какую-то связку/. Второе: взять в районном ОБХСС выдвинутые против руководства комбината и отказанные уголовные материалы. Третье: на основании подозрений изолировать начальника отдела БХСС Петикяна. Четвертое: создать новую, специальную комиссию для проведения ревизий на комбинате...Пока столько.

КАРЕН – /Беря связку и перелистывая/ Посмотрите, сколько этот несчастный человек написал.

МАМЯН – Если бы первое письмо попало в руки к какому-нибудь добросовестному и честному человеку, Карен, все вопросы решились бы тут же еще десять лет тому назад и не было бы ни последующих писем, ни этого последнего ужасного преступления. /Берет трубку/. Привести ко мне арестованного Чинаряна.

КАРЕН – Я пошел.

МАМЯН – Постарайся сделать так, дружище, чтобы впоследствии о нас не было сказано тех же слов.

/Карен выходит, входит Андраник/

АНДРАНИК – Слушайте, сколько Вы еще собираетесь продержать меня здесь? В чем мой грех, должен я знать или нет?

МАМЯН – Я Вас вызвал именно по этой причине. Гражданин Андраник Чинарян, Вы обвиняетесь в убийстве.

АНДРАНИК – Что?

МАМЯН – В преднамеренном убийстве.

АНДРАНИК – Я?.. Кого я убил?

МАМЯН – Своего бывшего друга. Рабочего вашего комбината Васака Серобяна.

АНДРАНИК – Васака Серобяна? Значит, его уже нет? Наконец-то сдох?

МАМЯН – А что, Вы не были уверены в воздействии своего яда?

АНДРАНИК – Яд? Какой яд? Он отравлен? Он может отравиться только собственными грехами, не сомневайтесь. Значит, больше нет моего мучителя. Вы можете потребовать у меня магарыч.

МАМЯН – Довольно играть. Или Вы не представляете себе тяжести обвинения? Мне записать, что Вы отказываетесь от обвинения в убийстве?

АНДРАНИК – Пишите, пишите. Я, конечно, отказываюсь, но с болью в сердце. Мне даже и в голову не приходило. Я не тот человек, иначе убил бы его сто раз.

МАМЯН – Когда Вы в последний раз видели Васака Серобяна?

АНДРАНИК – Не помню точно, наверное, год назад..

МАМЯН – Прочтите и распишитесь здесь.

АНДРАНИК – Я доверяю вам /подписывается/.

МАМЯН – А я Вам не доверяю. Не доверяю и не верю. Вы даете заведомо ложные показания, гражданин Чинарян. Где Вы были в ночь с двадцатого на двадцать первое апреля?

АНДРАНИК – Где может быть примерный человек, если не в своем доме?

МАМЯН – Почему? Из-за таких, как Вы, я, например, часто не бываю дома по ночам. Как, например, в позапрошлый день. Значит, Вы были дома? А если я приведу свидетелей, которые в ту ночь видели Вас в доме номер восемь по улице Ханджяна в том плаще, который висит на стене? Что Вы тогда скажете?

АНДРАНИК – Это мой плащ. Как он сюда попал?

МАМЯН – Отвечайте на мои вопросы. Не хотите отвечать? Пусть будет так. Тем самым Вы усложняете свое положение. Как Вы думаете, гражданин Чинарян, стали бы мы предъявлять обвинение в тягчайшем преступлении Вам, директору солидного завода, депутату райсовета и орденоносцу, если бы у нас не было веских, неопровержимых фактов, которые доказывают, что в ночь с двадцатого на двадцать первое апреля Вы были в доме у бывшего рабочего вашего комбината Васака Серобяна и отравили его?

АНДРАНИК – Неопровержимые доказательства?

МАМЯН – Да, более чем неопровержимые. Будет правильнее, если Вы сами сознаетесь.

АНДРАНИК – Мне не в чем сознаваться.

МАМЯН – Тогда ознакомьтесь с нашими фактами.

/Достаёт из ящика, кладет на стол разбитый стакан/.

Это тот самый стакан, в котором Вы дали яду Васаку Серобяну. А это... это именно тот флакон, из которого Вы налили яд в стакан. А это... гражданин Чинарян, официальное заключение экспертизы,

согласно которому как на стакане, так и на флаконе с ядом имеются отпечатки Ваших пальцев. Ваши отпечатки. Что Вы можете сказать на это?

АНДРАНИК - /Понурился/ Достаточно. Больше ни одного вопроса, прошу Вас, ни одного вопроса. Я ничего не понимаю. Наверно я сошел с ума. Я сейчас не в состоянии отвечать. Я ничего не понимаю. Дайте мне прийти в себя. Я потом скажу, все скажу.

МАМЯН – Пусть будет так. Идите, отдыхайте, думайте. Хотя я бы на Вашем месте не стал тянуть. Если эти факты не убеждают Вас в том, что молчать излишне, я могу привести и другие факты.

АНДРАНИК – Какие факты, какие факты?

МАМЯН – Еще одно доказательство того, что в ту ночь вы были в доме Васака Серобяна. Каким же образом, в таком случае, в Вашем доме оказались ответы на его письма, гражданин Чинарян?

АНДРАНИК – Прикажете увести меня, я с ума схожу. Или вы не люди? Разве вы не видите, что я с ума схожу?

МАМЯН - /Берет трубку/ Уведите ибвиняемого.

/Чинарян направляется к двери и вдруг останавливается/

АНДРАНИК – Нет, нет, я хочу признаться сейчас же. Допросите меня.

МАМЯН - /Делает милиционеру знак рукой удаляться/ Я слушаю вас, Чинарян.

АНДРАНИК – В тот день я действительно был в доме... Васака Серобяна.

МАМЯН – Это мы знаем. Теперь расскажите в подробностях, как получилось, что Вы решили навестить его? Ведь ваши отношения были крайне напряженными.

АНДРАНИК – Да, крайне напряженными. Но он позвал меня. Я спал, когда он позвонил, сказал, что болен, что хочет видеть меня.

МАМЯН – Допустим. Дальше?

АНДРАНИК – Я удивился, спросил, что он хочет от меня, сказал, что встретимся завтра. Нет, ответил он, приходи немедленно. Сказал: для тебя же говорю, потом будет поздно. Наши уже спали, я встал, оделся тихо, вышел, остановил случайную машину...

МАМЯН – А почему не поехали на своей машине?

АНДРАНИК – Наши спали, неужели я должен был переполошить всех в доме?

МАМЯН – Убедительно. Дальше?

АНДРАНИК – Потом я поднялся к Васaku домой, нажал на кнопку звонка и вдруг слышу, как Васак изнутри подал голос: “Входи, дверь незаперта”. Дверь действительно оказалась незаперта. Я вошел, увидел Васака, лежавшего в постели. “Что случилось, - спросил я, - зачем ты вызвал меня среди ночи?”

Андраник, - сказал он, - я позвал тебя сказать, что ты победил меня.

МАМЯН – Так и сказал?

АНДРАНИК – Да, я очень удивился.

“Что с тобой, - спросил я, - сон, что ли, видел?”

- Нет, - сказал Васак, - устал я бороться против тебя. Что я ни делал, ничего не выходило. Перевернул вверх дном весь мир, но не нашелся кто-нибудь, который встал бы на мою сторону. Не хотят двигаться с места, не хотят выглядеть плохими людьми в глазах других.

МАМЯН – Но о чем шла речь? Что он хотел от Вас?

АНДРАНИК – Что Вам сказать, наша борьба, наверно, самая древняя борьба человечества. Борьба удачников и неудачников. Он всю жизнь завидовал мне и моей удаче. Куда бы я не ступил, все там зеленело и чему бы я ни притронулся, превращалось в хлеб.

МАМЯН – Или в золото?

АНДРАНИК – Какое золото?

МАМЯН – То золото, вернее, золотая пыль, которую мы изъяли из Вашего дома при обыске.

АНДРАНИК - /Содрогнувшись/ Значит, нашли, да? Эх, значит, правильно, никто им не наслаждался, никто.

МАМЯН – На тему о наслаждении у нас еще будет много времени поговорить. Пойдем дальше, продолжайте Ваш рассказ. Ужасно интересно.

АНДРАНИК - /Сокрушенно/ О чем еще продолжать? Мы дошли до финала, все.

МАМЯН – Все кончается не золотом. Дальше?

АНДРАНИК – Что вам еще сказать? Васак сказал, что он болен, что устал и решил отныне не бороться со мной старыми методами и для подтверждения своих слов дал мне с собой ответы на все свои письма-жалобы, которые он заранее положил на стол.

МАМЯН – Допустим. Дальше?

АНДРАНИК – Честно говоря, я поверил ему только тогда, когда он отдал мне письма. Напрасно мы долгие годы отравляли друг-другу жизнь, сказал я, и за что, что мы унесем с собой из этого мира? Но говорите, что хотите, это был злой человек. Об этом думать тебе, Андраник, сказал он. Я, как пришел, так и уйду. Трудно будет тебе. Ты столько накопил, что тебе трудно будет оставить все это и уйти из этого мира. И будет очень болезненно. Если тебе удастся хотя бы уйти естественным путем, сказал он, считай, что тебе повезло даже в самый последний раз. Я хотел ему ответить, но... после этих писем... Ладно, сказал я, забудем, прошлое есть прошлое, а теперь, если хочешь, возвращайся снова, приму снова на работу. Нет, сказал он, я с тобой вместе работать не могу. Если хочешь сделать мне добро, отлей из того маленького флакона пятнадцать капель в стакан, добавь немного воды и дай мне. Я так и сделал.

МАМЯН – Лекарство он выпил при вас?

АНДРАНИК – Нет, нет, стакан он поставил на маленькую полку рядом с собой.

/Мамян шагает по комнате и останавливается напротив Чинаряна/

МАМЯН - Почему вы не бреетесь?

АНДРАНИК – Эх, прошло, все прошло.

МАМЯН – Андраник Чинарян, вот уже несколько дней мы вместе с утра до вечера. Садимся друг против друга, говорим, что хотим, прерываем друг друга, поправляем, не соглашаемся друг с другом, спорим... Я пытаюсь понять Вас, хочу, чтобы Вы убедили меня, и когда Вы говорите, у меня есть возможность видеть Ваши глаза, реакцию, руки, слышать Ваш голос, улавливать интонации. Знаете, для чего я говорю все это? – При всем при этом Вы не можете убедить меня. Я Вам не верю. Потому что рассказанное Вами – сказка, не имеющая никакой связи с логикой и не подкрепленная фактами. Именно в данной ситуации, конечно же, после очных ставок, которые еще более усугубят обвинение, Ваше дело можно будет считать закрытым и направить в суд, а суд, поверьте моему опыту, присудит Вам самое строгое наказание, я в этом не сомневаюсь нисколько. Потому что если даже я не могу поверить Вам, как может поверить суд, перед которым Вы предстанете в сопровождении милиционеров, с обритой головой, будете говорить издалека и в основном отвечать на вопросы.

Между тем, эти судьи не будут беседовать с Вами, не будут смотреть Вам в глаза и о Вас у них сложится представление только по бумагам, протоколам и неоспоримым заключениям экспертизы, каждое из которых говорит против Вас. Я сумел разъяснить Вам Ваше реальное положение, Андраник Чинарян?

АНДРАНИК – Да...

МАМЯН – Значит, отложим все это. Давайте сознаемся в преступлении. Если это случится в суде, Вы уже не можете иметь надежд на спасение.

АНДРАНИК – А теперь надежда есть?

МАМЯН – Не стану лгать, не уверен, все решает суд. Могу лишь сказать, что чистосердечное признание и раскаяние учитываются. Не забывайте о том, что Вы будете обвиняться минимум по двум статьям, каждая из которых предусматривает смертную казнь. Причем, первое преступление – это преднамеренное, злостное убийство с особо опасными последствиями, поскольку посредством этого убийства Вы стремились спасти от ответственности большую группу расхитителей, которая под Вашим руководством краля в крупных размерах государственное имущество, в данном случае – золото комбината.

АНДРАНИК – А кто сказал, что руководитель – я?

МАМЯН – Значит, кто?

АНДРАНИК – Значит, вы говорите, что по отдельности как за убийство, так и хищение мне полагается расстрел. Не так ли?

МАМЯН – Так говорит уголовный кодекс. Закон говорит.

АНДРАНИК – Значит, мне фактически совершенно не выгодно принимать или не принимать какое-либо из обвинений. Не станут же меня расстреливать дважды.

МАМЯН- Так.

АНДРАНИК – Значит, пишите: а не убивал человека.

МАМЯН - /Отложив ручку/ Вы не устали?

АНДРАНИК – Я не убивал человека. И чтобы Вы убедились, что я говорю правду, я признаю свою вину по второй статье. Не только признаю, но и готов сейчас же вместе с вами выйти и указать на квартирах своих сыновей все те тайники, где я скрываю накопленное золото, драгоценности и деньги. Это первое. Во-вторых, я готов доказать вам, что не я был идейным и действительным руководителем в деле хищения золота и указать не только на руководителя, но и на всех членов нашей группы. Каждого по отдельности. Если они в эти трудные для меня дни не делают ничего для моего спасения, почему я должен прикрывать их? За какое их добро? Теперь, теперь наконец вы верите, что я не убийца?

МАМЯН – Прежде всего факты и имена.

АНДРАНИК – Пишите, пишите.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

/Авансцена. Беседа и смеясь, появляются Асмик и Аревик. Карен и Мамян беседуют. Вечер. Горят пестрые огоньки в павильоне/.

КАРЕН – Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, но все Ваши операции прошли блестяще.

МАМЯН – Наши, Карен, наши.

КАРЕН – До последней минуты у меня колотилось сердце, я все думал, а вдруг в узлах, которые держала жена начальника ОБХСС Петикяна, не драгоценности, а действительно белье в прачечную. Что я тогда стану делать?

МАМЯН – А я до конца подозревал, что организатор выноса золота с территории комбината – начальник управления министерства. Какие алчные, корыстолюбивые люди бывают на свете и как сразу они начали выдавать друг друга, сваливать друг на друга.

КАРЕН – Товарищ Мамян...

МАМЯН – Говори, Карен, говори, я чувствую, что ты что-то хочешь сказать.

КАРЕН – Верно. Товарищ Мамян, у Вас в глубине души нет никакого сомнения в том, что это Чинарян отравил Васака Серобяна, Вы полностью уверены в этом?

МАМЯН – Полностью уверен, это неоспоримый факт, Карен.

КАРЕН – Если он настолько неоспорим, почему же Чинарян до конца так и не признался, не согнулся под тяжестью этих неоспоримых фактов, не взял вину на себя? Почему он собственноручно выдал Вам целую свору профессиональных преступников, согласился посадить рядом с собой на скамью подсудимых даже начальника нашего отдела БХСС, но так и не принял факта убийства?

МАМЯН – Ты что, ребенок, Карен? Или его принимаешь за ребенка? Он прекрасно понимает, что его единственное спасение состоит в отказе от убийства. Единственное спасение, единственная надежда. Потому что ни один суд не может вынести ему за это преднамеренное, злостное убийство никакого другого приговора, кроме расстрела. Ясно тебе? Именно по этой причине он так упорно отказывается от обвинения в убийстве и хитроумно утяжеляет чашу весов обвинения в хищении. Его надежда заключается в том, что если суд поверит ему и признает его невиновным в вопросе убийства, то исключено, что его за хищения приговорят к высшей мере наказания. Потому что трудно приговорить к смертной казни человека, принявшего свою вину, того, кто искренне раскаялся, помогает следственным органам обезвредить большую группу расхитителей государственного имущества, обличает их во время очных ставок и допросов и, собственноручно указывая на свои тайники, помогает государству восстановить нанесенный им же ущерб. Теперь для тебя все ясно, товарищ скептик?

КАРЕН – Значит, по-Вашему, суд докажет убийство?

МАМЯН – Нисколько в том не сомневаюсь. Если, конечно, во время суда не произойдет чуда.

АСМИК – Вот, пожалуйста. Это называется они пригласили нас в парк. Опять говорят о своих проклятых делах.

МАМЯН – Асмик джан, а разве ты бываешь рядом со мной, чтобы я говорил?

АСМИК – Я рядом, говори.

МАМЯН – Говорят, в магазинах получили крем для рук, хорошо смягчающий кожу. Не знаю откуда достать. А вот Цатинян вчера интересовался, кладут ли в постную толму красную фасоль или нет. Карен, ты кладешь фасоль?

/Карен смеется/

АСМИК – Какой крем, какая фасоль?

МАМЯН – Беседуем себе, Асмик джан.

АСМИК – Ах, Арутюн, Арутюн, значит, по твоему, темы наших разговоров – сплошная косметика и кухня. Зря так думаешь. Если бы вы знали, о чем мы думаем, когда вы оставляете нас одних...

МАМЯН – Недозволенный прием, Асмик. Принимаю: виноват.

АСМИК – Штраф!

МАМЯН – Мороженое.

АРЕВИК – Ураа!

КАРЕН - /Испуганно глядя, но не замечая Светы/. Может, пойдем в другое место? Здешнее мороженое...

АРЕВИК – Здешнее мороженое чудесно. Я не встану со своего места. По телевизору скоро фильм начнется, будем есть и смотреть.

/Садятся, Мамян приближается к павильону/.

СВЕТА - /Появляется с полным подносом/. Несу, душа моя, несу.

МАМЯН – Что такое, кто заказывал?

СВЕТА – Карен подмигнул.

/Подходит и расставляет, нарочно трясь о Карена

Ешьте на здоровье. Чего еще пожелаешь, Карен джан?

/Аревик остолбенела/

КАРЕН – Гражданка Зироян, что значит все это?

СВЕТА – Ешь на здоровье, мой голубчик. Я угощаю, дорогуша.

КАРЕН – Немедленно получите деньги.

СВЕТА – Зачем, милоч? Не все же за деньги. Я же стала человеком благодаря тебе. Благодаря тебе я стала работать, встала на честный путь за стойкой. Если б не твои воспитательные беседы, которые ты проводил по ночам в нашем доме...

/Мамян смеется в кулак/.

КАРЕН – Слушайте, вы что... Вы как... Что это за непристойность? Когда это я беседовал с вами по ночам?

МАМЯН – Света, прекрати, прекрати, дуреха.

АСМИК – Ой, и ты знаешь ее?

СВЕТА – Я вам так многим обязана, я так уважаю вас, что не обижаюсь.

/Наклоняется к Мамяну, шепчет ему на ухо/ Скажите ему, пусть оставит меня в покое. /Всем/ Ешьте на здоровье. До свидания. Было очень приятно познакомиться с вами. Извините.

АСМИК – Что это она шепнула тебя?

АРЕВИК – Я еще не могу прийти в себя. Значит ты, Карен, проводишь по ночам воспитательные беседы.

КАРЕН – Аревик джан, поверь, если я...

МАМЯН – Подождите, я объясню. Света работала в нашем буфете. Она допустила нарушения, и ее хотели уволить, но на ней трое детей и слепые родители. Мы ее пожалели и разрешили уйти согласно личному заявлению. При этом она немного психованная, не заметили? Несчастный, мелкий человек, достойный сострадания.

АСМИК – Еще чего, трое детей.

МАМЯН – Я не сказал, что у нее трое детей, я сказал: растила троих. Это дети ее брата. Родители стали жертвой автомобильной катастрофы. Причем, она сама тоже была в этой машине, у нее было сотрясение мозга. Долгое время была в психлечебнице.

АРЕВИК – А раз она в таком положении, почему вы позволяете ей угощать? И не жалко?

МАМЯН – Не беспокойтесь, сейчас я подойду и заплачу.

АСМИК – Нет, пошли отсюда. Это мороженое нельзя есть.

/Идет вперед вместе с Аревик/

МАМЯН – Ой, Карен, Карен, в более жалком положении я тебя еще не видел.

КАРЕН – Что поделать, перед наглостью я всегда робею, товарищ Мамян. Особенно, когда против тебя женщина. Но какая актриса, как играет. И за что, не могу понять, за что?

МАМЯН – Прежде всего, ты, видно, очень ее притесняешь. Одинокая женщина – а что ты хотел? И во вторых: такие женщины всегда завидуют счастливым, преданным своим мужьям женам. Понял, юноша-неудачник?

КАРЕН – Ну, понял, но не понял, что это Вы сочиняли про ее слепых родителей, трех сыновей и сотрясении мозга?

МАМЯН – Вот, пожалуйста, это его благодарность за то, что я спас его. Ну и поколение вы. Запомни раз и навсегда, дружище, женщина не всегда любит слышать правду. Они чаще принимают ложь, лишь бы она была чрезмерно чувствительной, чтобы они имели возможность посочувствовать, пожалеть кого-нибудь. Вопросы есть?

КАРЕН – Нет.

МАМЯН – Но, как видно, тебе хотят задать вопрос.

КАРЕН – Кто? /Замечает Мелине Марашян/ Вы что-то хотите сказать, Мелине?

МЕЛИНЕ – Я едва нашла вас, товарищ Шахулян. Звонила домой, звонила в участок, звонила в прокуратуру.

КАРЕН – Что такое, что случилось?

МЕЛИНЕ – Опять пришел.

КАРЕН – Кто?

МЕЛИНЕ – Он, человек в плаще. Начальник отделения связи. Но теперь на нем не было плаща.

КАРЕН – Почему он пришел, где он?

МЕЛИНЕ – Там, под тем же деревом. Стоит и смотрит на наш дом. Вы не сердитесь на меня, товарищ Шахулян, я хотела вынести мусор, выглянула в окно и вдруг увидела...

/Карен с трудом сдерживает смех/

Как увидела, что он стоит на том же месте, скрывшись за деревом, я сразу вспомнила о вас и подумала: ведь мы же помощники товарища Шахуляна и обязаны быть бдительными, не так ли, товарищ Шахулян? Что теперь прикажете: продолжать наблюдение или что-то еще? Было бы правильным узнать дальнейшую программу наших действий.

КАРЕН – Вы? Вы не одни?

МЕЛИНЕ – Сперва была одна, товарищ Шахулян, но потом подумала, что пока позвоню Вам, он может спрятаться, поэтому я и позвонила братцу Хачику и Араксии. Вы знаете, что она была Вашей учительницей? Сейчас они взяли под наблюдение начальника отделения связи. Братец Хачик взял метлу и делает вид, что подметает тротуар, а Аракся выгуливает собачку. Вряд ли догадается, правда, товарищ Шахулян?

КАРЕН – Мелине, приказываю снять наблюдение, осторожно увести с наблюдательного поста братца Хачика и учительницу Араксию, разойтись по домам и спокойно заснуть. Мне известно, почему он здесь. Нет необходимости беспокоиться. Спасибо и спокойной ночи.

МЕЛИНЕ – Жаль. То есть спокойной ночи /Уходит разочарованно/.

МАМЯН - /Хочет/ Какие у тебя агенты! Можно ужаснуться.

КАРЕН – А Вы, товарищ Мамян, невзирая на Ваш талант, так и не смогли поставить Айказа Аветисова на честный, нравственный путь. Не ожидал.

МАМЯН – Ах, Карен джан, легче исправить вора, чем этого...

АСМИК – Мальчики!

МАМЯН – Идем, идем.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

/Зал суда. Чувствуется, что перерыв. В разных местах сидят наши герои – братец Хачик, Мелине, Аракся, Карен, Мамян, пожилой человек с длинными усами, адвокат Испирян, сын Чинаряна Акоп. Беседуют, собравшись группами/.

АКОП – Как по-вашему, товарищ Испирян, есть надежда?

ИСПИРЯН – Я сделал все, что смог и все, что было возможно. Ты же видел, что зал взволновался. Но кто такой адвокат и что такое зал? Кто на нас обращает внимание? Я доволен своей речью, но знаешь на что это похоже? – на то, когда говорят: операция прошла удачно, но больного не удалось спасти. Судьи в основном открывают судебный процесс с решением в кармане. Причем в таком деле, где все очень умно сформулировано и факты стальные, и есть стабильное общественное мнение.

АКОП – Значит, надежды нет?

ИСПИРЯН – Я твоему папе сто раз говорил: что было, то было, сказал, давай прими, что это ты отравил и я спасу тебя. Спасу на все сто процентов, заставлю плакать всех, опишу какие муки ты перенес в течение этих лет, в каком тяжелом душевном состоянии держали тебя комиссии, создававшиеся из-за многочисленных заявлений этого недобитого склочника Васака Серобяна. Ни народ, ни судьи и прокуратуры в глубине души терпеть не могут этих пишущих заявления. И меня бы поняли. Я сказал, что смогу убедить абсолютно всех в том, что ты совершил свой поступок в состоянии невменяемости в порыве ужасного душевного потрясения. Я с воздетыми к небу руками буду молить пощадить тебя, со слезами на глазах буду кричать: взгляните на этого человека, пощадите и пожалейте его, ибо он не сознавал содеянного. Я скажу: не убивайте его, убившего самого себя, человека, который в одиночестве глубоко скорбит и раскаивается, проливая горькие слезы. Это бессознательный убийца, вы же будьте сознательными спасителями. Вот что скажу я. Неужели они устоят против этих пламенных слов? Никогда. Но твой отец, твой отец, как говорится в народе, не слез со своего осла. Я невиновен, я не убивал никого... Словами ничего не докажешь, голубчик, нужны факты, а фактов у него нет. А имеющие все говорят против него.

АКОП – Что же делать, товарищ Испирян?

ИСПИРЯН – Здесь нам уже делать нечего.

АКОП – Неужели никакого выхода нет?

ИСПИРЯН – Я сказал, что нам нечего делать здесь. Здесь. Подчеркиваю.

АКОП – Жестокосердый человек, - он даже не показал нам, где лежат остальные спрятанные деньги. Даже денег приличных нет, чтобы...

ИСПИРЯН – Подождем решения суда.

/В другом углу/

АРАКСЯ – Молодец, братец Хачик, если бы меня даже заставили, я бы не смогла так смело подняться на трибуну.

МЕЛИНЕ – А я бы поднялась. И сказала бы все, что нужно. Жаль только, что меня никто не спросил. Почему меня ни о чем не стали спрашивать? Я же все вижу из своего окна.

АРАКСЯ – Нет, нет, это вопрос характера. Я, например, если не считать детей, не могу стоять перед людьми и говорить. Когда братец Хачик сказал: “Избавился от тебя, наконец избавился, чтоб тебя...” Когда он сказал эти слова, у меня все тело съежилось, покрылось гусиной кожей.

ХАЧИК – Э... Грустная история. В жизни не видел убийц и думал, что это какие-то совсем другие люди, не похожие на обычных людей. Думал, что если увижу убийцу, тут же определю, взглянув ему в глаза, что он убийца. Но что вы думаете? Смотрел я ему в лицо и удивлялся. И даже немного смущался. Если бы я его увидел на улице, взял бы свой веник, отошел бы в сторонку, чтобы вдруг он не запылится. Если бы он сказал: сходи купи мне газеты, я бы пошел. Как же так? Столько лет я прожил на свете, что мне теперь делать, смотреть на людей по-другому? Как мне узнавать, кто из людей живет чисто, а кто вор и убийца? Ведь по одежде этого не заметишь.

АРАКСЯ – Как представлю, что он протянул стакан с ядом моему несчастному, больному соседу...

ХАЧИК – Садитесь. Вроде, начинают. Посмотрим, чем все это кончится наконец.

МЕЛИНЕ – Да, да, ужасно интересно.

АРАКСЯ – Я не могу, мне надо идти домой. Если вдруг объявят смертный приговор, я умру, не смогу смотреть ему в глаза. Простите меня, братец Хачик.

/Выходит/

СЕКРЕТАРЬ СУДА – Встать, суд идет!

/Входят председатель суда и народные заседатели. Все на своих местах/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - /Читает/ Именем Армянской Советской Социалистической Республики...

/ Поднимается с места усатый старик/.

СТАРИК – Постойте, мне надо сказать кое-что.

СЕКРЕТАРЬ СУДА – Кто этот человек, почему он мешает? Выйдите немедленно!

СТАРИК – Подождите, постойте, вам говорят. Я выполняю последнюю волю своего друга. Слово дал.

/Протягивает председателю конверт/

Возьми, это он для тебя оставил.

СУДЬЯ – Кто?

СТАРИК – Мой покойный друг Васак Серобян. Однажды вызвал меня, дал это письмо и сказал: “Беньямин, я умираю и прошу тебя выполнить мою последнюю волю. Через два месяца будешь каждую неделю ходить в Верховный суд и читать списки заседаний. Как только увидишь, что написано имя нашего директора “по обвинению... Андраник Чинарян и другие...”, сядешь в зале и это письмо собственноручно передашь главному судье”.

СУДЬЯ – А почему не дали раньше?

СТАРИК – Потому что он сказал мне: Беньямин, передашь только в тот момент, когда судья скажет: “Именем Армянской Советской Социалистической Республики...”. Он был грамотный человек, знал, что делает, не то, что я.

СУДЬЯ – А вы знаете, что написано в письме?

СТАРИК – Нет. Но что бы там ни было написано, все правда. Потому что Васак Серобян был честным человеком, в жизни не лгал. Потому что он отказался от своей трехкомнатной квартиры, чтобы я вселился в нее со своей многочисленной семьей. Такой был человек.

СУДЬЯ – Но это нарушение правил судопроизводства.

СТАРИК – Воля умирающего свята.

/Судья начинает молча читать/

Читайте вслух. Он так пожелал.

СЕКРЕТАРЬ СУДА – Вы не имеете права приказывать здесь, отец.

СТАРИК – Во-первых, раз я отец, значит имею право, сынок. И потом: имею право, потому что я вместе со своими товарищами создавал эту власть и этот суд. То есть я ответственен за все, что вы делаете. Понятно, товарищ? И в третьих, потому, что я дал Васаку слово.

СУДЬЯ – Прекратим. Я и без того обязан огласить это письмо, как важнейший документ, связанный с процессом судопроизводства.

КАРЕН – Вот и чудо, товарищ Мамян.

МАМЯН – Ничего не понимаю.

СУДЬЯ - /Читает/ Уважаемый товарищ судья, только что вы произнесли дорогие для меня, как и для каждого армянина эти слова: “Во имя Армянской Советской Социалистической Республики... И по моей просьбе мой друг рабочий, мастер, старый большевик Бенъямин Дарбинян сразу после этих слов прервал вас, потому что я не хочу, чтобы была совершена несправедливость во имя Армянской Республики. Потому что верно говорит Андраник Чинарян. Он не убийца. Я умышленно завлек его к себе домой и передал ему свои письма. Я сам убил себя, после его ухода налив яду в стакан и флакон, а флакон выбросил с балкона.

АНДРАНИК - /Кричит/ Слушай же, слушай, следователь Мамян. Ты мне кровь выпил!...

СУДЬЯ – Почему я сделал это? Вопрос именно в этом, почему? Потому что если Андраник Чинарян невиновен в моем убийстве, он с ног до головы виновен как нечестный человек, как мошенник, как вор и расхититель государственного имущества. Я видел, как годами идет вверх по служебной лестнице, но как человек падает все ниже и ниже Андраник Чинарян. Но у меня не было конкретных фактов, пока я не узнал, каким путем крадут золото из комбината. И поскольку Андраник был моим другом, я сперва пошел к нему.

“Андраник, сказал я, сверни с этого пути, пока не поздно”.

Андраник стал смеяться надо мной.

“Ты не умеешь жить, поэтому и завидуешь мне, - сказал он. – Работаешь больше тридцати лет, а что у тебя есть? Только сын, которого ты не сумел даже удержать при себе в своем городе. Взяли в армию, в армии он и остался”.

“Доброе имя,” сказал я, и поскольку он снова стал смеяться, я пригрозил, что напишу о его проступках, опозорю его на весь свет.

Он стал издеваться надо мной и браниться. Он оскорбил меня до глубины души, потому что вся моя жизнь, моя работа, моя вера высмеивалась им. Я и написал свое первое заявление – неанонимное, с подписью. Уважаемые товарищи судьи, заявляю искренне и с глубокой болью в сердце, что если бы это мое первое письмо прочитали, как следует, сегодня на скамье подсудимых не было бы столько обвиняемых и не был бы таким огромным нанесенный государству ущерб.

Но я не получил даже ответа на свое заявление.

Но велико было мое терпение и бесконечно рабочее упрямство. Не напрасно же я четыре года был разведчиком во время Великой Отечественной войны. Я продолжал писать. Наконец прибыла какая-то комиссия. Но вместо того, чтобы разобраться в делах Андраника Чинаряна и его приспешников-преступников, эта комиссия стала расследовать меня, изучать мою биографию. А в последние годы мои письма не читались, переписывали старые ответы и присылали мне, а копии – тем, на кого я жаловался.

А как они обращались со мной на комбинате, что они говорили и делали, не позволяет выразить моя гордость. Пока меня не отправили насильно на пенсию и тогда только успокоились. Но я не мог успокоиться, я продолжал свою борьбу и продолжал бы до конца, если бы не встал лицом к лицу со мной этот конец по имени рак. Вот тогда я и ужаснулся. Ужаснулся при мысли о том, что мне предстоит умереть, а Андраник Чинарян и остальные останутся безнаказанными, будут продолжать грабить государственное золото и смеяться над такими людьми, как я. Это было бы большой, очень большой несправедливостью. Я не имел бы покоя даже на том свете. И вдруг я подумал, что если я своей жизнью не смог бороться против них, может быть, мне поможет смерть. Смерть. Люди пока еще не так равнодушно проходят мимо смерти, убийства. Если мне удастся, однажды в жизни сделав нечестный шаг, привлечь внимание следственных органов к преступникам, может быть, тогда наконец восторжествует справедливость, может быть, тогда перед судом народа предстанут кровопийцы, те, которые выжимают из людей пот, те, которые смеются над честностью, трудолюбием и верой людей. И чтобы впредь это не искушало других, пусть будет побеждена идея безнаказанности преступления.

Вот почему я покончил с собой, симитировав преднамеренное убийство.

Прошу, очень прошу вас простить меня и понять.

Васак Серобян”.

Содержание письма и действительность подписи подтверждены государственным нотариусом.

ХАЧИК – И правильно сделал.

СТАРИК – Он был моложе меня, но был моим другом.

МЕЛИНЕ – Каким мужественным человеком был мой сосед.

СУДЬЯ - /Озираясь по сторонам/ Это письмо вносит существенные изменения в судопроизводство. Суд постановляет вернуть дело в следственные органы для доследования.

/Зал с шумом пустеет/

ГОЛОСА – Ну и история! - Кто бы мог ожидать.

АКОП – А теперь есть какая-нибудь надежда, товарищ Испирян?

ИСПИРЯН – Посмотрим, посмотрим. Наверно не здесь, подчеркиваю, не здесь.

КАРЕН – Товарищ Мамян, если вы домой, у меня друг на машине, - подвезем.

МАМЯН – Нет. Нет, ты иди, Карен. Я хочу пройти пешком.

З А Н А В Е С

